

ТЕАТР

«ЭСТОНИЯ»

В МОСКВЕ

НА ОПЕРНЫХ
СПЕКТАКЛЯХ*Музыкальная
жизнь 1972/19*

Театр «Эстония» располагает превосходным актерским ансамблем. Когда мысленно возвращаешься сейчас к спектаклям наших эстонских гостей, то наряду с великолепными актерскими работами солистов прежде всего фиксируешь в памяти атмосферу общей артистической раскованности, подлинной увлеченности сценическим действием. Многие персонажи обрисованы рельефно и точно — в жестах, позах, движениях, интонируемом слове они обретают индивидуальную неповторимость. В высокой степени этими качествами были наделены два спектакля театра, которые представляются особенно значительными. Это «Триптих» Пуччини и «Турок в Италии» Россини, доставившие москвичам истинное художественное наслаждение.

«Триптих» никогда не звучал в Москве полностью, но две его части нашим слушателям известны. «Сестра Анжелика» (с З. Долу-

хановой в главной роли) шла в концертном исполнении в Большом зале консерватории. Многим, наверное, памятен телевизионный спектакль «Джанни Скикки», в котором участвовали солисты Всесоюзного радио.

Одно из последних созданий Пуччини (премьера «Триптиха» состоялась в нью-йоркской «Метрополитен-опера» в 1918 году) отмечено характерными чертами позднего стиля композитора: более сложным и напряженным гармоническим языком, тонкой колористической изобретательностью, гибкостью вокальной декламации, органической сплавленностью в единое целое ариозных и речитативных эпизодов, виртуозным построением ансамблей (такова прежде всего опера «Джанни Скикки»). Постановщики «Триптиха» в театре «Эстония» (дирижер Неэме Ярви, режиссер Арне Микк, художник Уно Кярбис) великолепно ощутили пульс музыки Пуччини, ее яркие драматические контрасты. Оперы, составляющие «Триптих», полярны по эмоциональному настрою. За остродраматичным, экспрессивным «Плащом» следует лирико-элегическая «Сестра Анжелика»; заключающий триптих «Джанни Скикки» брызжет неистощимым юмором, жизнерадостностью.

Опера «Плащ» поставлена в театре «Эстония» как реалистическая бытовая драма. Буднично неприметное предместье Парижа, берег Сены, где царят серые, тускло-дымчатые краски... Уже в цветовой гамме спектакля разлита какая-то щемящая грусть.

Надолго запомнится созданный Тийтом Куузником образ старого моряка Мишеля — апатичного, уставшего от жизни человека. Поначалу складывается впечатление, что Мишель равнодушен к окружающему миру и ничто не сможет вывести его из состояния безразличия, отчужденности. Но артист мастерски раскрывает динамику характера своего героя. Нет, сердце Мишеля отнюдь не потеряло способности остро чувствовать! В сцене с Жоржеттой, которую он подозревает в неверности, и в последующем коротком экспрессивном монологе открывается подлинный эмоциональный портрет героя — в его сердце есть место и нежности, и ласке, и бурным всплескам отчаяния, и страстной решимости. Т. Куузник был в великолепной вокаль-

«Джанни Скикки». В заглавной роли — Георг Отс.

ной форме; его красивый, сочный голос передавал многообразные оттенки душевных переживаний героя.

В роли Жоржетты, жены Мишеля, выступала молодая солистка театра Маре Йыгева. У нее мягкий, полетный и яркий по тембру голос, которым артистка превосходно владеет. Ее Жоржетта — исполненная жизненных сил женщина. В ней много обаяния, непосредственности, искренности.

В едином стилистическом ключе с Т. Куузиком и М. Йыгева выступил Калью Караск в роли Луи, молодого возлюбленного Жоржетты. Партия эта, менее богатая оттенками выразительности, нашла в лице К. Караска чуткого исполнителя. Он составил прекрасный ансамбль с М. Йыгева. В любовной сцене голоса певцов звучали мягко, прозрачно, с настоящей «итальянской» теплотой. Психологическая рельефность образов, реалистичность эмоционального «видения» произведения постановщиками, при строгом чувстве меры, обеспечили успех сценической интерпретации «Плаща».

«Джанни Скикки» — произведение, где все насыщено стремительным действием, зажигательной энергией, где безраздельно царят веселый смех, шутка, а подчас гротесковая комедийность. В спектакле театра «Эстония» нет ни одного статичного персонажа, ни одного актера, который просто выполнял бы свои обязанности, пусть и добросовестно, корректно. Это настоящий калейдоскоп людей, каждый из которых своим видом, манерой держаться, поведением представляет собой острохарактерный тип!

Конечно, подлинной «звездой» этой постановки был Георг Отс — Джанни Скикки. Его герой, наделенный острым чувством юмора, решителен, энергичен, неистощим на выдумку. И к тому же слушателей не покидало ощущение, что не только сам Отс вдохновлял отточенным мастерством и увлеченностью исполнения весь коллектив, но и образ Скикки значительно выиграл, стал более выпуклым и рельефным, окруженный столь отличным актерским ансамблем; здесь тоже был свой «лидер» — великолепная актриса и певица Урве Таутс в роли Зиты, двоюродной сестры только что усопшего богача-скряги Буозо Донати,

«Плащ». Мишель — Тийт Куузик, Жоржетта — Маре Йыгева.

чьим наследством так остроумно распорядился Джанни Скикки.

Центральная часть триптиха — «Сестра Анжелика» — оставила несколько меньшее впечатление, хотя, безусловно, сценическая интерпретация таллинцев придала свои свежие штрихи и краски этому произведению. В частности, в первой половине оперы гораздо более интересными и разнообразными, чем в статичной концертной постановке, предстали хоровые сцены (в них даже можно было найти своеобразные скерцозные оттенки). Как мне представляется, партия Анжелики не удалась в этот вечер М. Йыгева. Я думаю, что произошло это потому, что очень трудно молодой певице удачно выступить сразу в двух таких ответственных ролях, как Жоржетта (в «Плаще») и Анжелика¹.

Нет спору, и вокально, и сценически М. Йыгева имеет все данные для партии Анжелики. Но голос, который так красиво, мягко и пластично звучал в «Плаще», казалось, утрачивал в «Сестре Анжелике» многие из своих привлекательных качеств. (Наверное, все же следует пока заявлять на эти роли разных исполнительниц.)

Главный дирижер театра Неэме Ярви, которого наши слушатели хорошо знают как музыканта талантливого, эрудированного, провел «Триптих» с большой эмоциональной отдачей и силой экспрессии. В «Триптихе» оркестр был полноправным участником действия, если можно так выразиться, драматическим стержнем². Своей трактовкой Н. Ярви

заострял эмоциональные контрасты, придав большую «взрывчатость» всему ходу повествования в «Плаще», подчеркнув поэтическую просветленность в «Сестре Анжелике» и комедийную шаржированность в «Джанни Скикки». В общем у дирижера сложилась впечатляющая и гармоничная концепция «Триптиха» как художественного целого, своего рода трехчастная оперная композиция с четкими гранями формы.

В. Тиллохин

¹ По аналогии вспоминается один любопытный факт: во многих театрах, как известно, идут в один вечер «Сельская честь» и «Наицы». Но, например, в Лондоне за 80-летнюю историю постановок этих опер лишь две певицы — Эмма Дестиннова и Виктория де Лос Анхелес — решились подряд спеть Сантуццу и Недду. А ведь роли Жоржетты и Анжелики не менее сложные!

² Надо сказать, что расположение оркестровой ямы в Московском театре оперетты, где выступали эстонские артисты (частично она уходит под сцену), неблагоприятно сказалось на звучании оркестра, лишив его насыщенности, полноты, «пространственности» (хотя по числу музыкантов — 70 человек — это отнюдь не маленький коллектив). Акустический дефект временами давал о себе знать больше (например, в «Кола Брюньоне»), иногда меньше (в «Триптихе» и «Трубадуре»).